Секция «Музыкальный фольклор как научно-творческая и методическая проблема», научный руководитель – Сушкова Л.Н., канд. пед. наук

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРИУРОЧЕННЫХ ХОРОВОДОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Кудымова О.Н.

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

В настоящее время одним из приоритетных направлений современной фольклористики считается выявление и установление географических границ локальных стилей на территории поселения восточных славян. Под локальным стилем следует понимать определенную песенную традицию, объединенную системой общих признаков. К ним, по мнению Е.В.Гиппиуса, относятся:

- состав жанров;
- иерархические формы их взаимосвязей по отношению к централизующему жанру каждой песенной системы;
- определяемые данной жанровой системой типы напевов в конкретных формах интонирования и группы ассоциативно связанных с ними поэтических текстов. [Гиппиус, 1982, с.8].

Одним из ярких и самобытных локальных песенных стилей южных территорий России является традиция Попселья. Впервые эту стилевую зону выделил и описал И.Н.Карачаров в монографическом исследовании «Песенная традиция бассейна реки Псел» [Карачаров, 2004г.] Локальный стиль Попселье сложился на территории Белгородско-Курского пограничья. Это северо-западные районы Белгородской области (Ивнянский, Ракитянский, Прохоровский) и примыкающие к ним южные районы Курской области (Беловский, Обоянский, Больше-Солдатский, Суджанский).

Особенностью жанровой системы музыкального фольклора Попселья является обилие хороводных песен. В местной терминологии они могут называться *карагодными, гульбишными, говеенскими, гуленскими или таночными*. Хороводный жанр играет главенствующую роль в местной иерархии жанров и сопровождает все праздники и обряды годового цикла, заменяя некоторые отсутствующие здесь календарные жанры. Подтверждение данному тезису находим в высказываниях Е.В.Гиппиуса относительно южнорусской традиции в целом. Ученый отмечает, что централизующим компонентом жанровой системы здесь являются хороводные песни, определяющее значение в них приобретает синхронная форма связи музыкального ритма с ритмом пляски и одним из определяющих жанровых признаков являются типы плясок. [Гиппиус,1982,с.9] Особую значимость хороводов в рассматриваемой традиции подчеркивает и тот факт, что они не перестают звучать даже во время Великого Поста. В то время как на соседних с Попсельем территориях Великий пост – время запрета на любые хороводы.

На сегодняшний день в фольклористике остается нерешенным ряд вопросов, связанных с научной классификацией и жанровой терминологией хороводных песен. Так, например, не ясен жанровый состав последних, не разработана терминология для обозначения разных видов хороводов, нет научной классификации всех разновидностей хороводных песен, соотношения функции и структуры. Существует большое количество определений хороводного жанра. Филологи и музыковеды по-разному трактуют этот жанр.

Например, В. Даль в «Толковом словаре великорусского языка» дает широкое определение хороводов, как «…собрания сельских девок и молодежи обоего пола на вольном воздухе для пляски с песнями» [Даль, 1955]. О. Пашина определяет «хоровод – как песенно-хореографический жанр…..» [Пашина,1998,с.128]. Также она говорит, что носители традиционной культуры хороводами могут называть:

1) всякое веселье, гулянье на открытом воздухе;
2) толпу, сборище людей;
3) особый род песен, связанный с коллективным организационным движением;
4) копну хлебных снопов в поле.

Сложность в определении жанра заключается и в обилии хореографических композиций хороводов. Так, Е.М. Рогачевская в статье «О русском хороводном творчестве» делит хороводы на две большие группы:

- с преобладанием игрового действия и тесной связью между содержанием и движением, где игровая пластика носит сюжетно-обусловленный характер;
- с преобладанием танцевального действия и несколько ослабленной связью словесного содержания и пластики [Рогачевская, 1980, с.9]. А.В.Руднева в книге «Курские танки и карагоды» пишет, что хороводы и хороводные песни по их содержанию и функции можно разделить на игровые и плясовые [Руднева,1975, с.79]

Обращает на себя внимание особая разновидность хороводного жанра Попселья – *танки*.

Значение термина *танок* не имеет точного определения. По мнению А.В.Рудневой, *танок* происходит от слова танцевать, на что указывает соседство с Украиной, у которых *танок* означает танец и место, где собирается молодежь потанцевать [Руднева, 1975, с.81]. Основными отличиями *танков* от других видов хороводной традиции являются прежде всего: состав участников, временная приуроченность и особые формы хореографии. Остановимся на этом подробнее.

Состав участников *танков* был строго регламентирован. Это могли быть только незамужние девушки и молодки (женщины, недавно вступившие в брак). Пожилые женщины и мужчины в *танок* не допускались. Исключение составляли «*танководники*» - один или два женатых мужчины, которые могли принимать участие в *таночном* движении. За ними были закреплены особые места в *танке*: первое и последнее и никогда в середине.

Временная приуроченность. В русской хороводной традиции *танки* являются наиболее древним жанром, они всегда приурочены к определенным календарным синтагмам и несут в себе аграрную функцию. Временные рамки звучания *таночных* песен охватывают период с Масленицы до Троицы. Как правило, они были закреплены за ранневесенним и весенне-летним периодом. Достаточно четко выделяются три группы *таночных* песен: масленичные и ранневесенние *танки*; *танки*, исполняемые в пост и *танки* поздневесеннего периода (с Пасхи до Троицы). Среди высказываний носителей традиции нам встретились и достаточно архаичные сведения о временной приуроченности вождения *танков*. В с. Солдатское Ракитянского р-на так говорят о времени, когда уже можно водить *танки*: «*Если весна была ранняя, то танки водили, а если погода зимняя, то карого-*

ды. Танки водили только весной» (Данченко А.Е. 1945 г.р.). То есть в сознании исполнителей важным знаком к началу вождения *танков* являлась не календарная дата, а окказиональный признак (весна в природе – значит можно *танки* водить). По замечанию Т. Агапкиной, *танки* вместе с веснянками «принимали на себя функцию встречи весны и обозначали календарный рубеж года».[Агапкина, 2000] Это еще раз подчеркивает календарно-обрядовое происхождение *таночного* жанра в русской хороводной традиции.

Особые формы хореографии. В отношении хореографической композиции *танками* чаще всего называют особым образом организованное движение, которое в основном соответствует *танкам-шествиям*. Даже если *танок* организован в форме круга, то обычно этот круг движется вдоль села, а не стоит на месте. Фигурные варианты танков очень разнообразны. Практически в каждом селе есть свои рисунки вождения *танка*. Но все это вариации 2-ух основных видов *танка*, которые описала в своем труде А.В.Руднева: *танки*-шествия, т.е. с перемещением в пространстве (по селу, к окраине деревни, на границе 2-3 сел (*танки на гранях*), к месту, где организовывался *карагод*) и *танки*-пляски по кругу или параллельными рядами. Наиболее популярные композиционные формы танков, бытующих в Попселье – это кривой танок («кривуля», «*вилёк*» или «*увиля*», «урядок»), «танок парами» и «*ширинки*» (хоровод с рушниками). [Руднева, 1975]

С точки зрения смыслового содержания *таночных* песен, важно отметить их аграрную направленность, ориентацию на богатый будущий урожай. Наиболее ярко продуцирующая функция проявилась в масленичных *танках.* Чаще всего *танки* водили всю масленичную неделю, в некоторых селах – последние 3 дня Масленицы, с пятницы по воскресенье. Важной особенностью при вождении *танков* является высокая скорость движения, что часто отмечают носители традиции: «*берутся рука за руку, одна вожатая ходит, а другие за ней аж бежат*»» (с. Солдатское Ракитянского р-на). Упоминания об этом находим и у А.В.Рудневой в книге «Курские танки и карагоды»: «В селе Плехово Суджанского района впереди девушка или парень бегом вели зигзагами цепь по улице, направляясь в поле…«*Туды-сюды кривуля, а как скоро бегають, а какая сзади и упане* (упадет – А.В.Руднева)» Такой танок здесь называли кривым» [Руднева, 1975, стр.104]

Обязательными элементами движениями были подпрыгивания (*сиганья*) с ударами ног о землю и движение танка *посолонь* (по солнцу). У Рудневой читаем: «В с.Селино энергично плясали, сильно притоптывая и высоко подбрасывая ноги» [Руднева, 1975, стр.89]. Это подчеркивает продуцирующую и карпогоническую направленности *танков*: подпрыгивания символизировали рост будущего урожая. Аналогичные действия на Масленицу совершались во всех славянских традициях, о чем пишет в своем труде «Мифопоэтические основы календаря» Т. Агапкина: «Масленичные обычаи и установления, которые направлены на обеспечение роста и плодоношения культурных растений (льна и конопли, реже – картофеля, репы, хлопка, овса, капусты и др.), широко известны во всех славянских традициях. …все эти обычаи имеют в своей основе те или иные виды организованного движения, будь то танец или хоровод, катание на запряженных в сани лошадях или на салазках с гор, качание на качелях, вождение обрядовой процессии. И за всеми ними в конечном итоге просматривается одна-единственная метафорическая ассоциация: движение = вегетация (рост культурных растений)… … наиболее известны масленичные танцы, а также близкие к ним по смыслу и часто сопряженные по времени прыжки и подскоки. Лен и конопля должны быть высокими, для чего нужно подпрыгивать до потолка при прыжках с лавок и печей или во время танцев и высоко поднимать ноги». [Агапкина, 2002, стр.169]

Таким образом, вьющийся тип движения *танков посолонь*, топанье о землю, подскоки и скорый темп были направлены на приближение весны, влияли на будущий урожай и пробуждение матушки-земли.

Следующий период исполнения *таночных* песен – Великий пост. Строгий образ жизни в это время накладывал отпечаток и на формы досуга. Под запретом было пение и игра на музыкальных инструментах. Разрешались только особые *постовые* или *говеенские танки*. Исполняться они могли тоже только в определенные дни: чаще всего на Благовещение и в Вербное воскресенье. Предварительные исследования позволяют заключить, что в большинстве своем постовые *танки* исполняются в медленном темпе и возможно несут иные смысловые акценты. В.М. Щуров отмечает: «Говеенские танки скромны по тематике, мелодии их сдержаны, неторопливы, строги» [Щуров, 1987, стр.51]. Скорее всего это были определенные песни и их было немного, что подтверждает и цитата из книги А.В.Рудневой: «В постовых танках исполнялось считанное количество песен: «Таня, Танюшка», «Звонок колокол Благовещенский» «Заплетаю я плетень» и еще две-три»[Руднева, 1975, стр.87].

Исполнение танков в поздневесенний период начиналось обычно со второго-третьего дня после Пасхи и продолжалось до Троицы. Обязательными датами вождения танков в этот период были также Красная горка и *Маргоски* или *Лалынки* (во второе воскресенье после Пасхи). Часто исполнители указывают Красную горку как отправную точку вождения хороводов после Пасхи.

Как правило, *танки* этого периода представляли собой веселую процессию, двигающуюся вдоль села к месту сбора карагода. Большое значение в этот период приобретает орнаментика *танков*. Наиболее популярной композиционной формой послепасхальных *танков* являются кривые *танки* и *танки* парами. Обращает на себя внимание еще один хореографический вид *танка* – «*ширинка*» или хоровод с рушниками. Важно отметить, что *ширинки* всегда водились после Пасхи. Вот как описывает такой *танок* В.М. Щуров в книге «Южнорусская песенная традиция»: «Народные исполнители называют этот композиционный приём хоровода предельно просто – «выворачивание рукава»… На Красную горку водили хоровод в две линии, лицом друг к другу. Две пары, стоявшие по краям людского «коридора» (обычно мужчины) держали в руках по плотенцу. Последняя по ходу движения хоровода пара, приплясывая, входила внутрь «коридора», увлекая за собой остальных» [Щуров, 1987, стр54]. Аналогичное описание нам встретилось в селе Вышние Пены Ракитянского района Белгородской обл: «*Ширинки – это с одного края деревни выходили и шли до конца. Вот идуть гурьбою по селу. Один и второй стоить, делають рушники, подняли рушники, мы прошли под рушник, сзади тоже прошли, и идуть-идуть по всей деревне, а как дошли до конца, там тада уже общая плясовая, круг*». Вероятно, поздневесенние *танки* выступают в Попселье формой праздничного досуга. В *танках* этого временного отрезка на первый план, по-нашему мнению, выходит разнообразие хореографического орнамента и развлекательно-игровое начало.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем необходимым отметить, что проблема хороводного жанра на

сегодняшний день недостаточно описана и изучена. Тем не менее на основе приведенных выше сведений, можно предположить, что *таночные* песни, как разновидность русской хороводной традиции, представляют собой уникальное явление с точки зрения бытования, семантики и композиционных форм. В семантике текста и формы *таночные* песни содержат продуцирующую, аграрную функции, что подтверждается их календарной приуроченностью.

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. – М., 2000.
2. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл. – М., 2002.
3. Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной народной песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (Вопросы типологии). – М., 1982.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М., 1955.
5. Карачаров, И.Н. Песенная традиция бассейна реки Псел (Белгородско-Курское пограничье). – Белгород: Крестьянское дело, 2004.
6. Пашина О. А. Календарно-обрядовый цикл у восточных славян. - М., 1998.
7. Рогачевская Е.М. О русском хороводном творчестве // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Л., 1980.
8. Руднева А.В. Курские танки и карагоды. – М., 1975.
9. Щуров, В.М. Южнорусская песенная традиция/ В.М.Щуров. – М., 1987.

ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ СВАДЬБА В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НОВООСКОЛЬСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Щербинина О.В.

Белгородский государственный институт искусств и культуры преподаватель кафедры искусства народного пения, Белгород, Россия

В реалиях современной общественной жизни особую актуальность приобретает изучение народных традиций (обычаев, обрядов, народной музыки, устного поэтического творчества, народных промыслов и ремесел и т.д.) как преемственной связи времён и поколений, как естественного способа познания «почвенной» культуры народа. Это наиболее полно можно осуществить посредством освоения обрядов семейно-бытового назначения (родины, крестины, свадьбы, похороны), которые отражают уровень развития национального самосознания народа, его менталитета, мировоззрения, материальных и духовных ценностей, воплощенных в артефактах народной культуры.

В рамках данной статьи мы проанализируем свадебный обряд одного из регионов Белгородчины – Новооскольского района. Эмпирическую основу исследования составили материалы полевых экспедиций автора, осуществленные в селах Богородское, Василь-Дол и Макешкино в период с 2009 по 2011 годы. Примечательно, что каждый из 21 районов Белгородчины, и даже каждый населённый пункт имеет свои характерные особенности свадебного обряда, который складывался веками и передавался из поколения в поколение как форма бытия и народного творчества.

Полагаем, в свадебной обрядности исследуемого региона отразились народная мораль, социальные нормы, мировоззренческие представления, сформированные веками. Народная мудрость вложила в понятие свадебной обрядности исконное представление о красоте человеческих взаимоотношений, нравственности, чувстве долга, ценности семьи, рода, материнства, отцовства, а также о нормах и правилах общественной и личной жизни, регламентируемых, как правило, обычаем. Не случайно исследователи называют свадебный обряд Белгородчины исключительно сложным по масштабу и высокохудожественным по воплощению явлением южнорусской культуры в ее целом [1: 130].

Безусловно, с течением времени многие элементы местной свадебной игры видоизменились, наполнились новым содержанием, приобрели новые оттенки. Однако основу их по-прежнему составляют святость и незыблемость брачных уз, сохранность обрядов и ритуалов, влияющих (по мнению селян) на дальнейшую семейную жизнь. Поэтому к ним относились (и относятся) как к серьёзным «знаковым» актам, строго соблюдая последовательность и основные элементы атрибутики.

В качестве респондентов выступили носители традиционной народной культуры села Макешкино Новооскольского района: Брагина Дарья Никифоровна (1927г.р.), Лебединская Ольга Дмитриевна (1931г.р.), Стрельникова Евдокия Савельевна (1931г.р.), Чуканова Клавдия Матвеевна (1931г.р.), Кузовкова Татьяна Дмитриевна (1933г.р.), Хамелина Екатерина Егоровна (1934г.р.), Терехова Зинаида Евдокимовна (1937г.р.), Терехова Нина Михайловна (1940г.р.), Козлова Ольга Николаевна (1954г.р.), Ряба-Неделя Светлана Львовна (1956г.р.).

Как удалось выявить в ходе исследования, традиционная свадьба села Макешкино, например, подразделялась на несколько этапов: подготовительные обряды («приглядки», сватовство, «пропитушки»); собственно свадьба(свадебный поезд, выкуп молодой, увоз невесты, встреча молодых у дома жениха, повивание, свадебное застолье, дары); заключительные обряды («жито молотили», второй день свадьбы).

Начало любой свадьбе давали ***приглядки***, которые, как правило, осуществлялись в праздники. Так, например, в Дмитриев день (8 ноября) в селе Слоновка, которое граничит с Макешкино), проводилась ярмарка. На нее съезжались жители сёл, хуторов, расположенных в округе (Макешкино, Гринево, Богородское и др.). На ярмарке, как водится, юноши и девушки присматривали себе пару. Но в большинстве случаев выбор потенциальных невест все-таки осуществляли родители.

Сватовство – один из главных и неотъемлемых элементов свадебной игры, от исхода которого зависела судьба свадьбы. Именно поэтому начало ее особенно широко обставлено различными обрядами оберегающей магии. Так, например, перед «дорожкой» сваты присаживались за стол, отведывали хлеба-соли, молились «на восток». В один из «легких» дней (вторник, четверг, суббота, воскресенье) родители жениха, его крестные шли свататься. Непременным атрибутом сватовства был хлеб (каравай пекли на свадьбу). Со слов жительницы села Макешкино Ряба-Недели С. Л.(1956 г.р.) *«в этот хлеб втыкали «соснину» или калину, которые украшали конфетами, лентами. Если невеста была согласна, то брала хлеб, принесенный сватами. Однако есть его не полагалось, поскольку невеста в течение 2-3 дней могла передумать. И тогда сваты забирали хлеб назад, надеясь, что завтра невеста передумает и примет хлеб обратно. В случае согласия - назначали день свадьбы».*

Через одну-две недели после сватовства в доме невесты устраивали ***пропитушки***. К этому дню пекли калачи, готовили угощения – кисель, холодец, курицу, печиво и пр. Молодых сажали под «святые», гостей – рядом, строго следуя правилу родства. Именно на «пропитушках» невеста впервые должна была назвать родителей жениха матерью и отцом *«…не назовет она их папой и мамой, то уже никогда их так не назовет. У ней не хватит смелости»* (со слов Чукановой К.М. (1931 г.р.).